

В.А. Арабкина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор Г.П. Козубовская

МОТИВ ДОРОГИ В ЛИРИКЕ Н.А. НЕКРАСОВА 50-Х ГГ.

Аннотация

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать динамику мотива дороги в лирике Н.А. Некрасова 50-х гг.; исследовать мотивный комплекс, связанный с мотивом дороги в лирике Н.А. Некрасова (стихотворение «В столицах шум...»). В статье выявляется специфика диалога разных видов искусств в соотношении стихотворения «В столицах шум...» и картины И. Шишкина «Рожь».

Ключевые слова: живопись, литературоцентризм, мотив, дорога, мотивный комплекс, пейзаж, подтекст, семантика, семантический ореол метра, символика, фольклорный образ.

Концепт дороги/пути является одним из самых наполненных смыслами в русской культурной традиции [13]. Осмысление этого образа началось в мифологическом сознании русского человека ещё в момент, когда появились первые дороги как устойчивые, закреплённые траектории происходящих движений. Концептуализация дороги в русской культуре и литературе имеет длительную традицию от времен «Слова о полку Игореве» и до наших дней.

С точки зрения традиции, сама дорога предстает как сюжетно организованный текст, линейно разворачивающийся от «ухода» до «возвращения» [13, с. 11]. Русские, по выражению Т.Б. Щепанской, – это «движущийся этнос с самосознанием оседлого» [13, с. 8].

В поэзии Н.А. Некрасова мотив дороги (в определении мотива мы опираемся на работы И.В. Силантьева, 11) приобретает специфические черты. Частое обращение Н.А. Некрасова к дороге можно связать, в первую очередь, с биографическими факторами (около села, где проживал писатель, проходила знаменитая Владимирка – дорога, по которой вели на каторгу). В плане эстетическом и историко-культурном важно то, что мотив дороги входит в его размышления о России, ее будущем и определяет социальный характер его поэзии.

Одно из наиболее сильных стихотворений поэта с образом дороги – «В столицах шум, гремят витии...» (1858):

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,-
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,

Целуясь с матерью землею,
Колосья бесконечных нив... [10, с. 46]

О разных датировках этого стихотворения см. [8], а о вариантах стихотворения – [4]. Отложенная публикация стихотворения связана с цензурой: так, цензор Д.И. Мацкевич докладывал: «...стихи эти содержат в себе двойной смысл, который цензурный комитет не может себе вполне объяснить» [3].

Семантикой в стихотворениях Некрасова обладает не только лексический пласт стихотворения, но и его ритмический рисунок – четырехстопный ямб. Специфика ритмической организации текста такова: на 9 строк – две первых стопы без ударения, четыре вторых, четыре третьих и одна полноударная строка – первая. Фразовое ударение отделяет первые две строфы (тех, кто шумит в столицах, кому противопоставлен символический пейзаж). Интонация в первых двух строках декламационная, затем идет говорная, имитирующая народный стих [2].

Тишина родины [см. 9], открывшаяся поэту, заключает в себе многозначность: это и тишина врачующего пространства; и тишина мирного покоя, временного на русском пути; это и затишье, возвещающее перемены. Неслучайно в стихотворении «В столицах шум, гремят витии...» вековую тишину глубинной России нарушает ветер. Возможно, его звуки, «песни ветровые» звучат в преддверии мировых катастроф. «Во глубине России» – истоки будущих потрясений.

Дорога в данном стихотворении неразрывно связана с целым комплексом образов [о мотивном комплексе см.: 6]: «придорожные ивы» создают ощущение пути – страдальческого и бесконечного; «колосья бесконечных нив» напоминают о главном свойстве земли, дарующей жизнь всему существу, земли-кормилицы. Данный комплекс характерен для народной поэзии. «Мать-земля – это прежде всего чёрное, рождающее лоно земли кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный её эпитет «мать-земля». Но ей принадлежит и растительный покров, наброшенный на её лоно. Он сообщает её рождающей глубине одеяние софийной красоты. И, наконец, она же является хранительницей нравственного закона – прежде всего закона родовой жизни... Мать-земля, кормилица и утешительница, является и хранительницей нравственной правды» [12, с. 10].

Пейзажи с рожью – типичны для Некрасова. Пейзажи подобного типа мы можем встретить в поэме «Тишина» (1856-1857), которая близка стихотворению «В столицах шум». Дорога здесь представлена как осмысление пути русского народа, «возвращение домой». В 1854 году Некрасов пишет «Несжатую полосу», используя аналог гомеровского гекзаметра, сокращенного до четырехстопного дактиля, что указывает на лироэпический характер стихотворения. Стихотворение представляет собой диалог колосьев и ветра. По мнению некоторых исследователей и критиков, Некрасов взял из народной песни «Полоса ль моя, да полосонька» образ несжатой полосы. Рожь является одним из основополагающих элементов лирических пейзажей Некрасова и это связано с народным мышлением. Так, например, в «Повести о Петре и Февронии» героиня

предлагает князю в качестве лекарства хлебную закваску, в ее же руках хлеб обретает символическое значение бескровной жертвы Богу.

В стихотворении «В столицах шум, гремят витии...» хронотоп определяется эпитетом «вековая» (то есть тишина незыблемая, неподвластная времени, но не мертвая [9]) и не укладывается в категории горизонтальность-вертикальность. Подтекст уводит в глубину, имплицитно символизируя не внешнее бытовое, а внутреннее, духовное, бытийное.

На данном этапе творчества дорожные мотивы имеют для Некрасова особую эстетическую и идеологическую значимость: дорога как путь страны, путь целого народа. Наконец, дорога – это простор как неотъемлемая черта России.

Поэзия Некрасова во многом созвучна живописи второй половины XIX в. Значительную трансформацию в этот период приобретает изобразительное искусство. Ведущей тенденцией в живописи становится литературоцентризм, основные черты которого – повествовательность, иллюстративность, совмещение литературного вымысла и исторической правды, «литературность» названия картины, ввод текста в произведение.

Иван Шишкин – художник-передвижник, один из представителей русских пейзажистов XIX века, образы которого стали своеобразными символами России. Одним из самых известных произведений Шишкина является картина «Рожь» (1878), ставшая классическим произведением русской пейзажной живописи.

Созданию данной картины предшествовал крайне тяжелый период жизни живописца: начиная с 1870 года Шишкина настигает череда смертей (отец, ученик Федор Васильев, жена и оба сына). В начале 1877 года Иван Шишкин с дочерью отправляется к своей матери в Елабугу, где художник проводит много времени на Лекаревском поле в окрестностях города. Просторы родного края пробуждают в живописце желание творить и вдохновляют на написание пейзажа [см.: 5, 8].

Шишкин создаёт рисунок карандашом, подписав его «Эта». Эта зарисовка становится отправной точкой для новой картины «Рожь». На оборотной стороне рисунка Иван Иванович оставляет подпись: «Раздолье, простор, угодые, рожь, Божья благодать, русское богатство». Картина «Рожь» (холст, масло 107x187 сантиметров) была представлена 9 марта 1878 года на 6-й выставке художников-передвижников.

При анализе живописного произведения важно детально рассмотреть три плана изображения [4]. Стоит обратить внимание на линию горизонта: она располагается в нижней трети, у зрителя создается ощущение, что он смотрит на мир с некой низкой точки (на земле). Так рождается интуитивное ощущение, что перед зрителем изображено нечто величественное и торжественное. Линия горизонта – это условная линия, в которой небо визуально сходится с землей. В живописи линия горизонта определяется положением глаз художника (а вслед за ним и зрителя) – в пространстве относительно изображаемого на картине.

Передний план (рожь, дорога) занимает ключевое место в картине, максимально детализирован. Функция переднего плана – «вести» зрителя в

сюжет живописного произведения. Основное место занимает поле ржи. Золотистые колосья простираются до самого горизонта. Посреди поля разбросаны одиночные деревья. А ещё через золотистое «море» идёт дорога, которую дополняют небо и облака вдали. Следуя своей манере, Шишкин детально выписал травы и колосья, передал ощущение высоты, которое выражено в деревьях. Несомненно, именно рожь является ключевой частью пейзажа.

Второй план (сосны). Основная функция этого плана – раскрытие основного сюжета картины. Высокие сосны кажутся мудрыми и могучими – в них словно бы заключена сила русского народа. Кроме того, у искусствоведов есть предположение, что на картине Шишкин изобразил и себя, вернее – своё состояние души. Среди могучих сосен явно выделяется одна, погибшая. Вероятно, сам Шишкин с помощью этого образа открывает своё душевное состояние после пережитых потерь. Многие искусствоведы предполагают, что погибшая сосна – это отголосок переживаний художника, потерявшего близких. На заднем плане картины – могучая сосна, стремящаяся ввысь.

Третий план (небо, облака, птицы). Обычно задний план считается зрителем в последнюю очередь, после переднего и среднего. Когда художник переносит в глубину что-то важное, он намеренно сбивает восприятие зрителя, который интуитивно ищет раскрытия сюжета на среднем плане картины. Шишкин передаёт затишье и безветрие перед грозой, на которую намекает громада кучевых облаков.

Стихотворение Некрасова «В столицах шум...» и картина Шишкина «Рожь» имеют общий комплекс мотивов, который указывает на идейную близость данных авторов. Прямых переключек Некрасова и Шишкина нет, Шишкин не иллюстрировал Некрасова. Но есть созвучие настроения, во многом определенного одинаковым видением образа России.

Ключевое место в двух произведениях занимает именно дорога (как путь души, исцеление – у Шишкина, путь народный – у Некрасова).

Рожь занимает особое место: у Шишкина – это передний план композиции; у Некрасова – вынесена в финальную строфу (сильная позиция произведения). Не случаен эпитет «бесконечные нивы», в котором раскрываются такие свойства русского пейзажа, как широта, бескрайность. У Шишкина рожь простирается до самой линии горизонта, что так же создает ощущение величественного простора.

Ветер в стихотворении «В столицах шум» является силой, нарушающей «вековую тишину», предвещающей перемены. У Шишкина данную функцию имеет третий план картины, на котором изображены ясное небо и кучевые облака, которые предвещают начало грозы.

Придорожные ивы у Некрасова символизируют страдальческий путь русского народа, но в то же время ива – символ духовной чистоты. На картине «Рожь» у дороги изображены могучие сосны, которые являются символом жизненной силы, однако, здесь также прослеживается мотив страдальческого пути, на что указывает одна высохшая, погибшая сосна.

Мотив дороги в поэзии Некрасова перерастает рамки социального и, вбирая многообразие историко-культурных смыслов, становится многозначным и

объемным. Как отмечает Мишина, «предметом поэтического осмысления Н.А. Некрасова к концу 1850-х гг. становится народ как целое. Поэт стремится проникнуть в состояние народной души, осознать субстанциональные истоки русского национального характера» [9, с. 137].

Мотив в пейзажах с рожью, приобретающих символический характер, формирует целостный образ России в его органике и сложности.

Использованная литература

1. Гаспаров, М.Л. Очерк истории европейского стиха / М.Л. Гаспаров. – Москва: Фортуна Лимитед, 2003. – 272 с.
2. Голова, С.Г. Семантика ритма в поэзии Некрасова / С.Г. Голова // Проза.ру: [сайт]. – URL: <https://proza.ru/2021/07/30/871> (дата обращения: 24. 04.24)
3. Жданов В. «В столицах шум...» / В. Жданов // Жданов В. Некрасов. Москва: Молодая гвардия, 1971. 494 с. URL: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/bio/zhdanov/2-i-v-stolicah-shum.htm>
4. Захаренкова, Л. Полжизни в сосновом лесу / Л. Захаренкова // Юный художник. – 1998. – №2. – С. 8-11.
5. Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике / Сост. И. Н. Шувалова. – Ленинград: Искусство, Ленинградское отделение, 1978. – 478 с.
6. Кваскова, А.А. Мотивный комплекс как предмет мотивного анализа / А.А. Кваскова // Нижневартковский филологический вестник. – 2019. – Т. 4. – №1. – С. 65-69.
7. Лебедев, Ю. В. О двух редакциях стихотворения Некрасова «В столицах шум, гремят витии...» / Ю.В. Лебедев // Некрасовский сборник, IV, С. 222–227
8. Манин, В. Иван Шишкин. – Москва: Белый город, 2000. – 63 с.
9. Мишина, Г.В. Концепт «тишина» в творчестве Н.А. Некрасова: воплощение идеи природосообразности // Вестник Удмуртского ун-та. Филологические науки. – 2007. – № 5 (2). – С. 137 – 142.
10. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2 / Н.А. Некрасов. – Ленинград: Наука, 1981 – 2000. – 448 с.
11. Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии / И.В. Силантьев. – Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. – 104 с.
12. Федотов, Г. Мать-земля. К религиозной космологии русского народа / Г. Федотов // Путь. – 1935. – № 46 (январь – март). – С. 3–18.
13. Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т.Б. Щепанская. – Москва: Индрик, 2003. – 528 с.